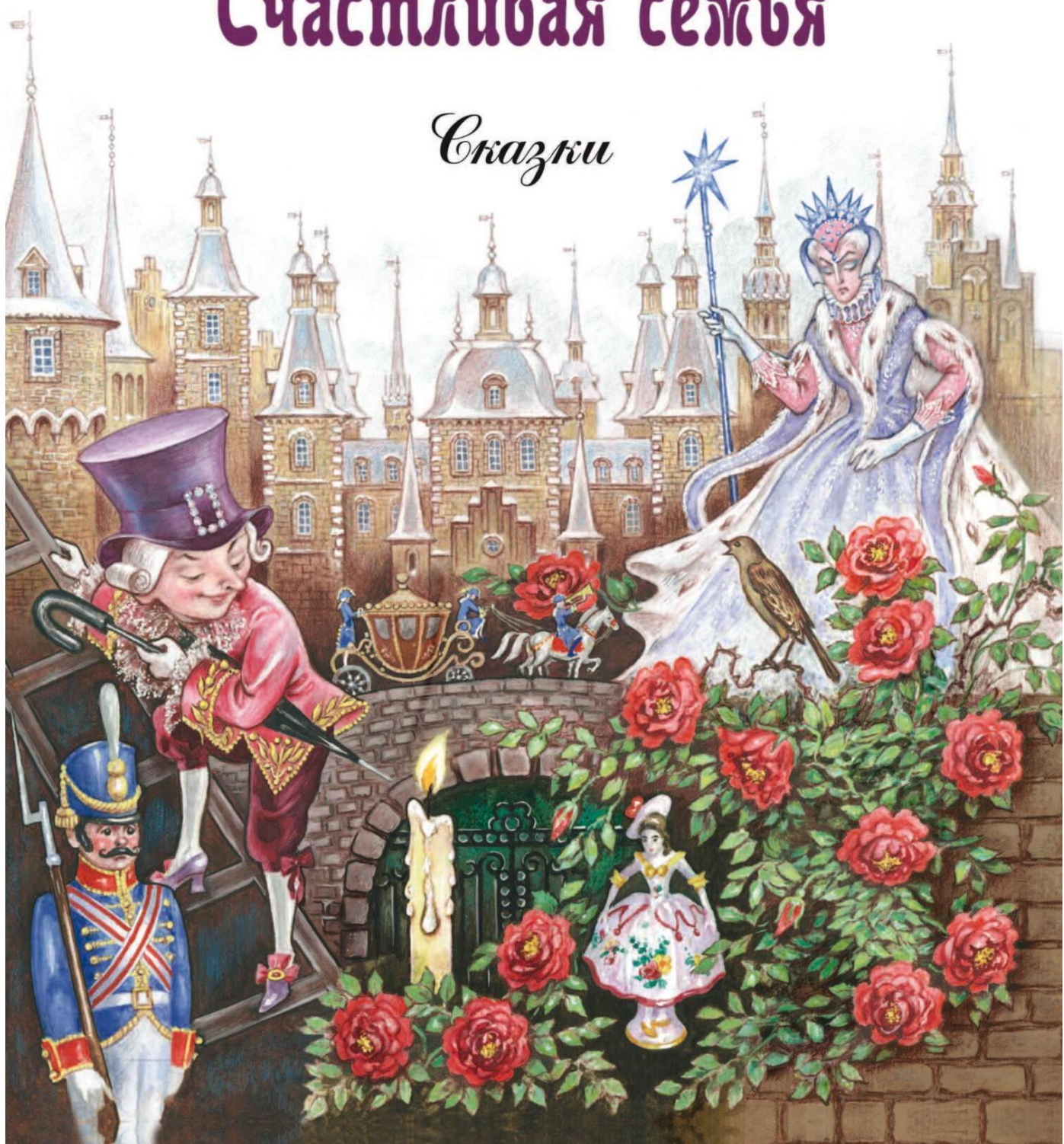

Тас Християн
Андерсен
Счастливая семья

Сказки

Ганс Андерсен
Счастливая семья

Православное издательство "Сатись"

1875

Андерсен Г. Х.

Счастливая семья / Г. Х. Андерсен — Православное издательство
"Сатись", 1875

ISBN 5-7868-0071-7

Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) – не только один из величайших детских сказочников, он глубоко христианский писатель. Герои Андерсена попадают, порой, в очень трудные обстоятельства, их ожидают испытания, страдания, скорби. Но в их жизни всегда есть надежда на помощь и милосердие Божие; всегда есть вера в то, что доброе сердце непременно будет утешено и согрето Божией Любовью. Сказки, собранные в этой книге, печатаются в соответствии с дореволюционным переводом, в котором сохранены все особенности духовного мира произведений любимого всеми детского сказочника.

ISBN 5-7868-0071-7

© Андерсен Г. Х., 1875
© Православное издательство
"Сатись", 1875

Содержание

Огниво	6
Сундук-самолет	10
Елка	15
Снежный болван	19
Колокол	22
Тайна колокола	26
Гречиха	28
Бронзовый кабан	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ганс Христиан Андерсен

Счастливая семья

© Издательство «Сатись», 2006

По благословению Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА

Огниво

Шел солдатик по большой дороге, при сабле и с ранцем за плечами. Он был на войне и теперь возвращался домой.

Встречает он колдунью: старую, безобразную, нижняя губа отвисла у нее до живота.

– Добрый вечер, солдатик, – говорит колдунья. – Что у тебя за сабля! И какой ранец! Как есть настоящий солдат. Желала бы я, чтобы ты имел много-много денег.

– Спасибо, колдунья, – отвечал солдат.

– Видишь ты это дерево? Оно внутри пустое. Влезай на вершину и проваливайся в дупло, а я обяжу вокруг тебя веревку. Как только ты меня кликнешь, я тебя и вытащу.

– Что я буду там делать, в дупле?

– Будешь добывать деньги. Только что ты спустишься до корней, как попадешь в подземную галерею, освещенную сотнею ламп. Там будут три двери.

Они не заперты. Если войдешь в первую комнату, увидишь сундук и на нем собаку, с глазами величиною с чайную чашку. Но ты не бойся. Вот тебе мой передник; посади на него собаку и бери из сундука сколько хочешь. Но там только медные деньги. Если же тебе лучше нравится серебро, то иди в другую комнату. Там увидишь собаку с глазами в мельничное колесо. Посади и ее на передник и черпай из сундука, сколько вздумается. В третьей комнате лежит золото. У собаки, которая его стережет, глаза со сторожевую башню. О, это замечательная собака; но тебе она вреда не сделает. Посади ее на мой передник и набивай карманы.

– Все это прекрасно, но я хотел бы знать, за что мне такие милости. Может быть, я с тобой должен поделиться?

– Нет, денег мне не надо. Принеси мне только огниво, которое позабыла в подземелье моя бабушка.

– Ладно, обязывай меня веревкой.

– Готово; а вот и передник.

Все случилось так, как сказала колдунья. Солдат влез на дерево, спустился в дупло, и очутился в коридоре, освещенном сотнею ламп. Он открыл первую дверь и увидел собаку, которая уставилась на него глазами с чайную чашку.

– Здравствуй, красавица, – приветствовал солдат собаку и, разостлав передник колдуньи, посадил на него собаку. Затем он открыл сундук, набрал медяков, сколько могли вместить его карманы, и, посадив собаку на место, пошел далее.

В другой комнате сидела собака с глазами в мельничное колесо.

– Не очень-то пристально гляди на меня, не то ослепнешь, – храбрился солдат и, сняв собаку на передник, он выбросил медяки из карманов и набил их серебром.

В третьей комнате сидела собака, которой даже и храбрец мог испугаться. Глаза у нее были действительно с башню, и она свирепо вращала ими.

– Здравия желаю! – возгласил солдат, приветствуя чудовище по-военному. Он никогда не видал такого чудовища и смотрел на него с некоторым почтением. Но это продолжалось недолго. Вспомнив, зачем он пришел, солдат посадил собаку на передник и открыл сундук.

Боже, сколько золота! Если бы взять все, то можно было бы купить не только все игрушки в городе, а и сам город. Солдат побросал серебро и набил червонцами ранец, карманы, сапоги, так что от тяжести едва мог двигаться.

Нагрузившись таким образом и посадив страшную собаку обратно, солдат крикнул в дупло:

– Поднимай меня, старая колдунья!

– А огниво взял? – послышался голос сверху.

– Эх, чуть не забыл.

Он вернулся, нашел огниво и вылез на свет Божий.

– На что тебе это огниво? – спросил он колдунью.

– Это не твое дело. Ты получил деньги, а мне дай огниво.

– Говори сейчас, или я срежу тебе голову.

– Не скажу.

Сабля сверкнула, и старуха покатила по траве в одну сторону, а голова – в другую. Солдат связал свое богатство в передник, взвалил его на спину и был таков.

Он пошел в город, в лучшую гостиницу, спросил себе лучший номер и заказал свои любимые кушанья.

Слуга, чистивший его сапоги, удивился, что у такого богатого барина такая скверная обувь. Солдат не успел еще запастись новым платьем. Но на следующий день он привел себя совсем в порядок, оделся франтом, и все принялись ухаживать за ним.

Ему сообщали о разных диковинках, которые следует посмотреть, и много говорили о короле, королеве и красавице – принцессе, их дочери.

– Вот ее бы посмотреть, – сказал солдат.

– Это очень трудно, – отвечали ему, – она живет во дворце из меди, окруженном стенами и башнями. Никто, кроме родителей, не имеет права к ней входить. Есть предсказание, что она выйдет замуж за солдата, а король не может слышать об этом равнодушно.

– А я все-таки хочу ее увидеть.

Солдат зажил припеваючи: пил, ел, посещал театры, катался в коляске по королевским паркам. Зная по опыту, как тяжело живет беднякам, он щедро раздавал милостыню. Друзей у него было множество, они жили на его счет и льстили ему напропалую. «Как вы любезны!» «Как вы ловки!» Солдат слушал развесив уши. Так как он постоянно тратил и ничего не приобретал, то, понятно, что его деньгам скоро пришел конец. Волей-неволей он должен был расстаться с прекрасной квартирой, поселиться на чердаке и сам себе чинить обувь. Друзья и приятели разбежались; ведь нелегко взбираться на чердак.

Однажды вечером, не имея денег, чтобы купить свечку, солдат вдруг вспомнил об огниве. Взяв кремь, он стал высекать огонь. Едва брызнули первые искры, как распахнулась дверь и на пороге появилась собака с глазами в чайную чашку.

– Что тебе угодно, господин? Повели.

– Так вот оно каково, огниво-то, – радостно вскрикнул солдат. – Таким образом, я буду иметь все, чего пожелаю. Прежде всего, принеси мне денег.

Гоп! Собака исчезла. Гоп! Она уже и тут с мешком денег в зубах.

Теперь солдат узнал магическую силу огнива. Ударит раз, явится первая собака, два – вторая, три – третья.

Солдат вернулся в гостиницу и зажил прежней жизнью. Друзья тоже вернулись; они ведь так любили его.

Навеселившись досыта, солдат стал подумывать о новых развлечениях. Вот бы поглядеть на принцессу. Говорят, она такая красавица. Какой ей толк в красоте, когда ее держат взаперти.

Солдат вспомнил об огниве. Хлоп! Первая собака уже тут.

– Я хочу видеть принцессу. Поздновато немножко, но что же делать.

Собака исчезла, и не успел солдат моргнуть глазом, как она снова явилась. На спине ее сидела спящая принцесса, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Не успел солдат хорошенько полюбоваться, как собака с принцессой уже исчезла.

На другой день принцесса рассказала родителям, какой странный сон она видела: будто она, сидя на собаке, ездил к солдату в гости. Королева посмеялась, но велела старшей фрейлине наблюдать за принцессой.

Ночью явилась собака и унесла принцессу. Но фрейлина запаслась сапогами-сороками и погналась за нею. Заметив дверь, в которую собака внесла принцессу, фрейлина сде-

лала на ней знак мелом и вернулась домой. Скоро и принцесса примчалась на собаке. Собака, вернувшись в город, увидела знак на дверях солдата и, взяв мел, начертала такие же знаки на всех дверях. Фрейлина, разумеется, сбилась с толку.

На следующее утро король и королева со свитой отправились отыскивать дверь, на которой фрейлина поставила знак. Но, увидав знаки на всех дверях, король и королева поняли, что они одурачены, и вернулись ни с чем.

Королева, которая была очень умна, придумала хорошее средство. Она сшила шелковый мешочек, наполнила его просом, внизу прорезала дырочку и привязала принцессе к поясу.

Ночью снова явилась собака и унесла принцессу. Просо из мешочка сыпалось да сыпалось; по нему-то и нашли квартиру солдата.

Взяли молодца, посадили в тюрьму и объявили, что наутро он будет повешен. Можно себе представить, какую ужасную ночь провел несчастный. Из окна тюрьмы он видел все приготовления к казни. Народ так и валил, чтобы посмотреть на это зрелище.

Вот под окном бежит сапожный ученик.

– Эй, малый, куда спешишь? – кричит солдат. – Ведь все равно ты казни не увидишь, пока я здесь. Окажи мне услугу: сбегай ко мне на квартиру и принеси огниво, которое я там забыл. Сбегаешь живо, получишь гривенник.

Мальчишка рад был заработать гривенник. Он мигом слетал в гостиницу, нашел огниво и принес его солдату. Теперь вы увидите, что будет.

На лобном месте устроена была виселица. Король, королева и высшие сановники сидели на возвышении, народ толпился внизу.

Взвели преступника на помост. Только что палач собирался накинуть ему веревку на шею, он попросил у короля последней милости – позволить ему выкурить трубку. Нельзя было отказать умирающему в такой ничтожной просьбе. Король кивнул головой. Солдат взял кремль и огниво... Раз, два, три...

В одну минуту появились все три собаки, одна страшнее другой.

– Выручайте меня! – крикнул солдат.

Собаки бросились на сановников. Кого схватили за руку, кого за ногу, кого за нос, и подбросили так высоко, что они, упавши, убились до смерти.

Короля и королеву постигла та же участь.

Народ в ужасе простирает руки и умоляет солдата:

– Пощади нас! Женись на принцессе и будь нашим королем.

Солдата посадили в королевскую золотую карету, а собаки плясали вокруг нее и кричали: «Ура!» Мальчишки свистали, солдаты делали на караул. Принцесса вышла из своего медного дворца и стала королевой.

На свадьбе пировали целую неделю. Были приглашены и собаки. Они сидели за столом и таращили на всех свои ужасные глазки.

Сундук-самолет

Жил был купец, до того богатый, что он мог бы вымостить серебряными монетами всю большую улицу, да еще малую в придачу. Но он и не думал этого делать. Он распоряжался своими деньгами умнее: тратил копеечку и наживал рубль. Умный был купец; таким он и умер.

Все его богатство досталось сыну, который стал вести развеселую жизнь: каждый вечер ездил в маскарады, делал змеи из ассигнаций и бросал в воду червонцы, как вы бросаете камешки, чтобы образовать круги. Неудивительно, что его богатство скоро истощилось, и всего имущества осталось: четыре пятака, халат да пара туфель.

Его друзья стыдились показываться с ним на улице и мало-помалу покинули его. Только один из них был настолько добр, что прислал ему сундук с запиской в три слова: «Собирайся в путь». Совет был хорош, но так как у бедного малого нечего было укладывать, то он сам сел в сундук.

Сундук этот обладал удивительным свойством: стоило прижать замок, и сундук поднимался на воздух, как птица.

Сын купца, открыв чудесное свойство сундука, тотчас же улетел через камин к облакам; все летел да летел, а сундук трещал да трещал, и седок ожидал каждую минуту, что его экипаж развалится, а он сам полетит кувырком на землю. Однако ничего подобного не случилось. Путешествуя в сундуке, купчик благополучно прилетел в турецкую землю. Зарыв сундук в лесу, под сухими листьями, он пошел в город.

Его костюм никого не удивил, так как все турки ходят в халате и туфлях. На улице купчик встретил кормилицу с ребенком.

– Послушай-ка, турецкая кормилица, – сказал он. – Что это за дворец с большими окнами при въезде в город?

– Там живет султанская дочь. Ей предсказано, что ее суженый доставит ей много горя, и потому никто не смеет подходить к ней иначе, как в присутствии султана и султанши.

– Спасибо, турецкая кормилица.

Купеческий сын возвратился в лес, открыл сундук и полетел. Скоро он прилетел на крышу дворца и через окно проник в комнату принцессы.

Принцесса дремала на диване. Она была так прелестна, что наш купчик взял, да и поцеловал ее. Принцесса проснулась и страшно испугалась; но купчик уверил ее, что он турецкий бог, спустившийся на землю для ее блага, и она успокоилась.

Усевшись возле принцессы, купчик принялся рассказывать ей волшебные сказки. Принцесса слушала развеса уши, и тут же дала купчику слово выйти за него замуж.

– Приходи в субботу вечером, – сказала она. – Султан и султанша пьют у меня чай. Они будут в восторге, что я выхожу за турецкого бога. Постарайся и им рассказать что-нибудь интересное. Моя мать любит серьезное и поучительное, а отец веселое и смешное.

– Будь покойна. Я наполню мою свадебную корзинку интереснейшими сказками.

Они расстались, и на прощанье принцесса подарила жениху саблю, украшенную червонцами, что было в настоящую минуту весьма кстати.

Купчик купил новый халат и отправился в лес, чтобы в уединении придумать подходящую сказку. Многие думают, что сочинять сказки ничего не стоит, но они глубоко ошибаются. Купчик порядочно-таки помучился, но в конце концов справился с этим делом, и к субботе сказка была готова.

На чай к принцессе собрались султан, султанша и несколько придворных. Купчик был принят очень любезно.

– Пожалуйста, расскажи нам что-нибудь интересное, нравственное и поучительное, – сказала султанша.

– Веселое и смешное, – прибавил султан.

– С удовольствием, – сказал молодой человек и начал рассказывать:

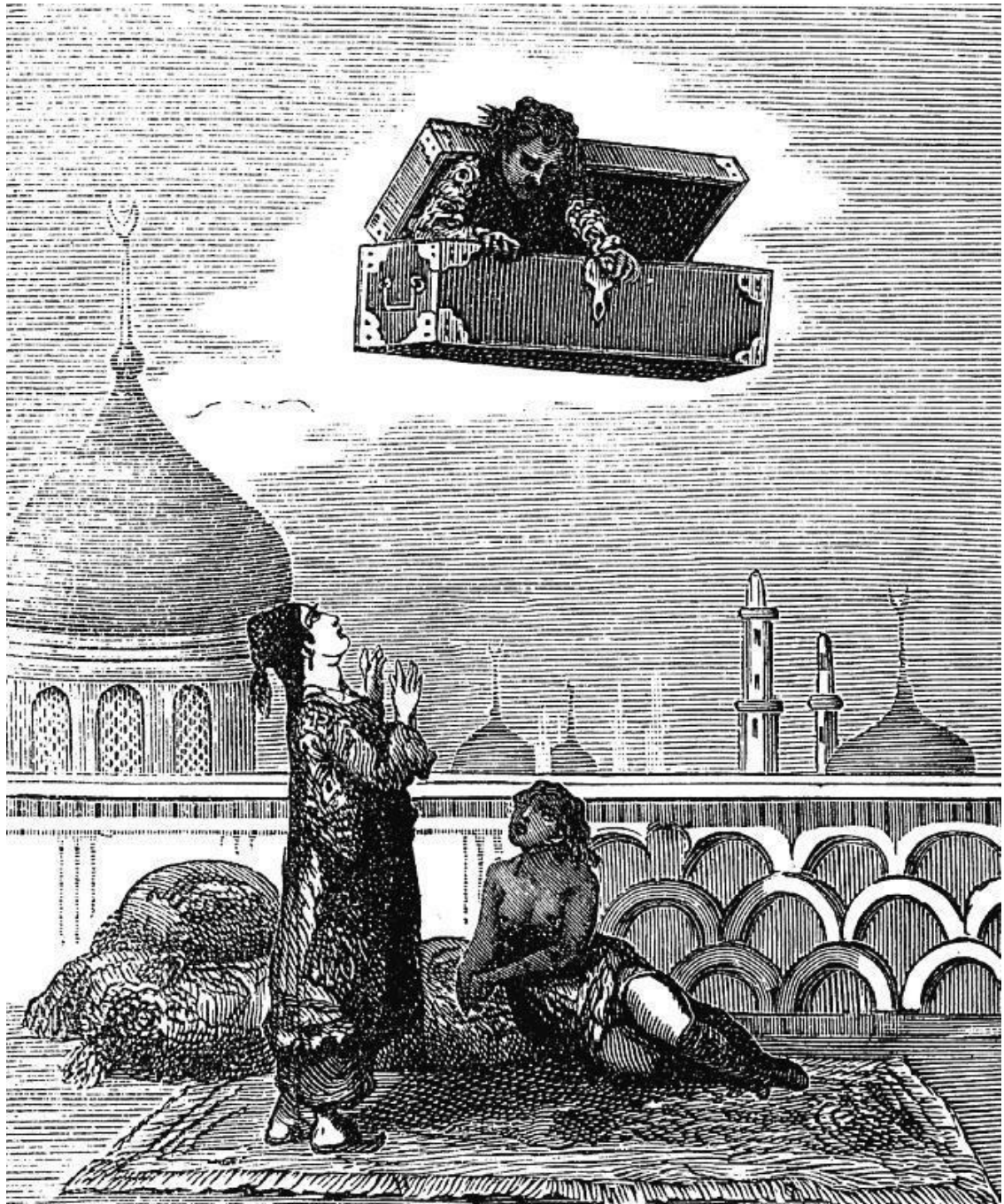
«Была когда-то на свете пачка спичек, которая чрезвычайно гордилась своим происхождением.

Каждая из спичек составляла часть сосны, бывшей когда-то украшением большого леса.

Спички лежали в кухне, на полке, возле огня и старого чугунного горшка, которому они рассказывали историю своей жизни.

– Да, когда мы были еще зеленою ветвью, нам жилось как в раю. Утром и вечером мы пили бриллиантовый чай, в ясные дни нас освещало солнце и птички пели свои песни. Мы были очень богаты. Тогда как другие деревья были одеты только летом, наши родители имели возможность снабжать нас зеленою одеждою постоянно – как летом, так и зимой. Но вот в лесу произошла революция, и наша семья была разъединена дровосеками. Глава нашего семейства получил почетное место в качестве мачты на большом корабле, годном для кругосветного плавания; некоторые ветви получили иное назначение, а нам суждено снабжать светом толпу.

– Что до меня касается, – сказал горшок, – то моя жизнь сложилась совсем иначе. С тех пор как я явился на свет Божий, меня постоянно чистят, ставят на огонь или снимают с огня. Я самый важный предмет в доме, потому что служу для существенной пищи. После обеда меня чистят и ставят на полку, и я, чистенький и блестящий, разговариваю с товарищами. Это единственное мое удовольствие. К сожалению, мы не выходим отсюда, за исключением ведра, которое иногда спускается на двор. Правда, что корзина для провизии приносит нам иногда новости с рынка, но она выражается слишком бесцеремонно, я этого не люблю. Третьего дня старый горшок пришел в такое волнение от ее рассказов, что упал на пол и разбился.

– Ты уж слишком разболтался, – заметило огниво и, ударившись о кремень, брызнуло искрами. – Постараемся повеселиться сегодня вечером.

– Вот именно, – подтвердили спички. – Потолкуем и решим, кто из нас всех знатнее.

– Я не люблю говорить о себе, – сказал глиняный горшок. – Есть много других предметов для разговора. Будем рассказывать друг другу историю своей жизни; это интереснее всего. Я начинаю, слушайте! На берегах Балтийского моря, недалеко от лесов, где шумят величественные буки, которыми так богата наша родина...

– Браво, браво! Начало хорошее, – закричали тарелки. – Рассказ, наверно, будет интересен.

– Там, в тихом скромном семействе я провел свою молодость, – продолжал горшок. – Каждые две недели там полировали мебель, мыли полы и занавески.

– Как вы хорошо умеете рассказывать, – сказала половая щетка, точно старая, аккуратная экономка. – Так и веет от ваших рассказов чистотой и опрятностью.

– Правда, правда, – подтвердило ведро, подпрыгнув от удовольствия, отчего часть воды, налитой до краев, с шумом расплескалась по полу.

И горшок продолжал свой рассказ, конец которого оказался таким же интересным, как и начало. Тарелки весело застучали, а половая щетка, подобрав на полу несколько зелени петрушки, увенчала ими рассказчика. Такое отличие возбудило в остальных маленькую досаду, но они утешились мыслью, что и их в свою очередь увенчают.

– Теперь будем танцевать, – сказали щипцы и пустились в пляс. Забавно было смотреть, как они вскидывали ногами. Старая крышка на кресле лопнула от смеха.

– Увенчайте и нас, – потребовали щипцы, и их увенчали.

– Как все это пошло! – говорили друг другу спички.

Публика стала просить самовар спеть что-нибудь, но он отговаривался насморком. Просто он чванился, потому, что он всегда пел на столе, когда бывали гости.

На окне лежало гусиное перо, которым кухарка писала счет. В нем не было ничего замечательного, кроме разве того, что оно было сильно замазано чернилами. Но оно находило возможность гордиться и этим.

– Если самовар не хочет петь, – сказала перо, – мы и без него обойдемся. Соловей в клетке за окошком споет и непрощеный, даром что он не учился петь. Ничего, мы будем снисходительны.

– Это просто неприлично, – возразил брат самовара, медный куб, обычный певец кухни. – Даже не патриотично принимать в наше общество иностранцев. Пусть решит этот вопрос корзина для провизии.

– По правде сказать, – отвечала корзина, – я совсем не одобряю подобного препровождения времени. Гораздо было бы лучше привести все в порядок. Пусть всякий остается на своем месте, а я буду распоряжаться, тогда все пойдет как по маслу.

– Нет, нет, мы хотим шуметь! – закричала вся утварь.

Но в эту минуту дверь отворилась, и вошла кухарка. Все притихли, словно онемели, что не мешало каждому из них, даже самой маленькой баночке, быть о себе самого высокого мнения.

– Да, вот как бы я распоряжалась, – думала каждая вещица, – не то бы и было.

Кухарка взяла спички, чтобы развести огонь. Боже, с каким шумом они загорелись.

– Ну теперь все видели наш блеск, – подумали они и... сгорели...

– Прелестная сказка! – заявила султанша. – Мне казалось, что я сама нахожусь на полке, возле спичек, так живо вы рассказывали. Я согласна отдать за вас мою дочь.

– И я согласен, – прибавил султан. – В понедельник свадьба.

Накануне свадьбы в городе была роскошная иллюминация. По улицам разбрасывали сдобные лепешки и сухари. Мальчишки влезали на деревья и, насвистывая сквозь пальцы, кричали ура! Великолепное было зрелище!

– Надо же и мне чем-нибудь удивить мир, – подумал купчик.

Он накупил ракет, хлопушек, разных принадлежностей фейерверка и, положив все это в сундук, поднялся на воздух.

– Ф-ф-ф... – раздалось сверху. Зашумели, затрещали ракеты, запрыгали римские свечи. Турки от радости принялись скакать так высоко, что их туфли слетали с ног и хлопали их по ушам. Никогда еще не видали они такого чуда! Они были вполне уверены, что их принцесса выходит за настоящего турецкого бога.

Спустившись в лес, купчик пошел в город, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел его фейерверк – желание вполне понятное.

Каких удивительных вещей он наслушался. Всякий рассказывал по-своему, но восторг был всеобщий.

– Я видел турецкого бога, – говорил один. – Глаза его блистали как звезды, а борода походила на морскую пену.

– Он летел на огненном плаще, – рассказывал другой, – и в складках плаща играли прелестные кудрявые купидоны.

Много подобных и иных сказок наслушался о себе купеческий сын в этот вечер, в канун своей свадьбы. Он вернулся в лес и... о ужас! От сундука осталась только кучка пепла. Он сгорел от попавшей в него искры во время фейерверка.

Бедному малому не на чем было лететь к невесте. Она ждала его целый день на крыше своего дворца и до сих пор ждет. А он странствует по белу свету и рассказывает сказки, но ни одна не имеет такой удачи, как сказка о пачке спичек».

Елка

Росла в лесу красивая елочка. На хорошем местечке росла она; вдоволь тут было и солнца и воздуха. Кругом стояли ее старшие товарищи – ели и сосны. Тем не менее елочка не была довольна, ей хотелось поскорее вырасти. Она не замечала ясного солнца и свежего воздуха, не любовалась деревенскими ребятишками, которые приходили за земляникой и малиной и болтали без умолку. Иногда они являлись с полными корзинками и, усевшись под елочкой, нанизывали ягоды на соломинку, говоря:

– Какая эта елочка маленькая!

Такие речи ужасно досаждали елочке.

В следующем году стала елочка на целый слой толще и вместе с тем выше, через год, другой – еще выше. Ведь по числу слоев можно видеть, сколько дереву лет.

– О, если бы я была такая же большая, как те деревья! – вздыхала елочка. – Я бы могла широко раскинуть свои ветви, а вершиной взглянуть на Божий мир. Птицы бы вили на моих ветвях гнезда, а когда поднимется ветер, я могла бы так же важно кивать, как и те, другие.

Ее не радовало ни солнце, ни птицы, ни розовые облачка, утром и вечером проносившиеся над ней.

Когда наступила зима и земля покрылась блестящим снежным покровом, прибежал зайчик и перепрыгнул через маленькую елочку. О, как ей было досадно! Но через две зимы деревцо настолько подросло, что заяц должен уже был obeжать кругом.

– Только бы поскорей вырасти; кажется, нет больше счастья на свете, – думала елочка.

Осенью приходили дровосеки и срубили по несколько самых больших деревьев. Это повторялось каждый год. Молодое деревцо, которое теперь уже порядочно подросло, содрогалось, когда большие, роскошные деревья с треском и грохотом валялись на землю. У них обрубали ветви, и они казались такими голыми, длинными, неуклюжими, что их узнать было нельзя. Затем их взваливали на дровни и увозили из лесу.

«Куда попадали они и что их ожидало?»

Весной, когда прилетели ласточки и аисты, елочка у них спросила: – не знают ли они, куда увезли старые деревья; не повстречались ли они им?

Ласточки ничего не знали, но аист многозначительно кивнул головой и сказал:

– Еще бы не знать! Когда я летел из Египта, мне повстречалось много новых кораблей с великолепными мачтами, я уверен, что это были они, так как от них шел славный еловый запах. Величественные деревья! Могу вас поздравить.

– Ах, кабы поскорее вырасти, чтобы тоже попасть на море. Что это за море и как оно выглядит?

– Ну, это долго объяснять, – сказал аист и улетел.

– Наслаждайся твоей юностью, – говорили солнечные лучи, – твоей крепостью, твоей жизненностью.

И ветер поцеловал елочку, а роса пролила на нее слезы. Но деревцо не понимало, что это значит.

Перед Рождеством срубили много елок. Некоторые из них были меньше нашей елочки, а иные такого же возраста, но все были ровненькие и хорошенькие. Не обрубая им ветви, их взвалили на дровни и увезли из леса.

– Куда их везут и отчего они сохранили все свои ветви? – недоумевала елочка.

– Про то мы знаем. Про то мы знаем, – щебетали воробьи. – Мы все это в городе в окно видели! Мы знаем, куда их везут. О, они увидят такую роскошь и блеск, какие только можно себе представить. Их поставят посередине комнаты, окружат прелестными вещами и игрушками, украсят золочеными яблоками и сотнями свечей.

– А потом? – спросила елочка, затрепетав всеми веточками. – Что будет потом?

– Да больше мы ничего не видали. А это было великолепно!

– Что если и мне предназначена такая блестящая будущность? – воскликнуло деревцо. – Это еще лучше, чем плыть по морю. Как страдаю я от неизвестности! Хоть бы скорей наступило Рождество! Теперь я не меньше тех, которые были срублены в прошлом году. О, если бы мне только попасть на дровни! А потом красоваться посреди комнаты, окруженной роскошью и великолепием. А потом что?... Потом, конечно, настанет что-нибудь еще лучшее, иначе для чего бы нас так украшали. Но что именно? Ох, я томлюсь, я не знаю, что со мною делается.

– Довольствуйся нами, – сказали воздух и солнечные лучи. – Наслаждайся своей юностью на свободе.

Но елочка не наслаждалась, хотя и продолжала расти. Зимой и летом стояла она в полном зеленом убранстве. Люди, глядя на нее, говорили:

– Вот красивое деревцо!

Подошло Рождество, и ее срубили первую. Топор глубоко проник в сердцевину. Деревцо со стоном упало на землю. Оно чувствовало боль, дурноту. Мечты о счастье отлетели прочь. Грустно было деревцу расставаться с родиной, с местом, где оно выросло. Оно знало, что уже больше никогда не увидит дорогих старых товарищей, ни маленьких кустиков и цветов, которые росли кругом. Может быть, не увидит и птиц. Отъезд оказался неприятным.

Елочка только тогда пришла в себя, когда ее на дворе, вместе с другими, свалили с воза, и кто-то сказал:

– Вот это славное деревцо; мы его и возьмем.

Затем пришли два лакея в ливреях и снесли елку в большое, красивое зало. По стенам висели картины, а на камине стояли китайские вазы со львами на крышках. В зале находились роскошные диваны, удобные кресла-качалки, столы, заваленные альбомами и дорогими рисунками на сумму в сто раз сто рублей, как выражались дети.

Елку воткнули в кадку с песком, кадку задрапировали зеленой материей и поставили на ковер. О, как затрепетало деревцо! Что-то будет дальше... Барышни, с помощью слуг, начали его украшать. На ветви повесили маленькие сеточки из цветной бумаги, наполненные конфетками; потом золоченые орехи и яблоки; прилепили более сотни разноцветных свечей; куклы, имевшие вид настоящих людей, висели в зелени, а на самой вершине водружена была блестящая звезда. Это было так великолепно, что и сказать нельзя.

– Сегодня вечером зажжем, – говорили присутствующие.

– Ах, кабы поскорей вечер и зажгли бы свечи! – думала елка. – Кабы могли из лесу прийти деревья на меня полюбоваться и воробьи заглянуть в окошко. Что же будет дальше? Оставят меня здесь стоять зиму и лето?

И от усиленных рассуждений у елочки трещала кора, что причиняло ей такое же страдание, как нам головная боль.

Наконец зажгли свечи. Какой блеск! Какая роскошь! Дерево так сильно затрепетало от счастья, что свечка пошатнулась и подпалила ветку.

– Ах, Боже мой! – закричали девицы и быстро потушили огонь.

Теперь уже дерево не смело шевельнуться. Оно боялось потерять какое-либо из своих украшений. Блеск совершенно ослепил его.

Открылись обе половинки дверей, и множество детей вбежало в комнату. За детьми шли взрослые. Дети онемели от удивления, но только на одну минуту. Потом раздались их веселые крики; они прыгали, танцевали вокруг елки и получали подарки, а дерево постепенно оголялось.

– Что это они делают? – думала елка. – Что же будет дальше?

Когда свечи догорели до ветвей, их потушили, и дети получили позволение ограбить елку.

То-то они набросились на нее, даже ветви затрещали. Не будь она привязана к потолку, дети, наверно, свалили бы ее.

Дети принялись танцевать со своими дорогими игрушками в руках, а на елку никто больше не обращал внимания, кроме старой няни, которая пришла посмотреть, все ли с нее снято.

– Сказку, сказку! – закричали дети и потащили к елке маленького толстого старичка.

– Здесь мы точно в лесу, – сказал он, усаживаясь под елкой. – О чем же рассказать вам?

Дети закричали, кто во что горазд. Одни хотели то, другие – это. Только елка молчала и думала:

– Разве я-то не буду играть здесь никакой роли?

Старичок рассказал про Иванушку-дурачка, который с лестницы свалился и все-таки достиг почестей и на принцессе женился. Дети хлопали в ладоши, а елка слушала и дивилась. Никогда птицы в лесу не рассказывали ничего подобного. Елка принимала сказку за истину; не может же такой почтенный старичок выдумывать. Упал Иванушка с лестницы и добился почестей. Может быть, и с ней – елкой случится нечто подобное. А пока что она ждала завтрашнего дня в надежде, что ее также разукрасят цветами, золотом и игрушками.

– Завтра я буду еще счастливее, – думала елка. – Я буду уже спокойно наслаждаться своим великолепием. Опять услышу историю про Иванушку-дурачка, а может быть, еще и другую какую-нибудь.

И дерево простояло всю ночь в глубокой задумчивости.

Утром вошли лакеи и горничная.

– Видно, начнут снова убирать меня, – подумала елка.

Но слуги потащили ее из комнаты, потом по лестнице, вверх на чердак, и поставили в угол, куда вовсе не проникал свет.

– Что это значит? Зачем меня здесь поставили? Что я могу тут делать?

Бедная елка прислонилась к стене и задумалась.

Для этого у нее было достаточно времени. Дни шли за днями, а на чердак никто не приходил.

Если же приходили, то только затем, чтобы сунуть в угол какой-нибудь ненужный ящик; постепенно дерево загородили и, казалось, позабыли о нем.

– Теперь зима, земля замерзла, люди не могут меня посадить, – размышляла елка. – Верно, мне до весны придется простоять здесь. Как они предусмотрительны и как добры! Если бы только не было здесь так темно и скучно! Хоть бы зайчик проскочил, как бывало в лесу, когда он через меня перепрыгивал, а я сердилась. Здесь же ужасно скучно.

– Пип, пип, – пропищала мышка и прошмыгнула к елке; за ней – другая. Они обнюхали елку и закопошились между ее ветвями.

– Здесь страшно холодно, а то бы нам тут было хорошо. Не правда ли, старая елка? – сказала мышка.

– Я совсем не старая, – отвечала елка. – Есть многие гораздо постарше меня.

– Откуда ты? Расскажи нам о красивых местах на земле. – Мышки были очень любопытны. – Бывала ли ты в кладовых, где на полках лежит сыр, а на балках висят окорока, где можно плясать на сальных свечах и кудаходишь худой, а выходишь жирной?

– Этого я не знаю. Но я знаю лес, где солнце светит и птицы поют.

И она рассказала им о своей юности, а маленькие мышки внимательно слушали. Они не слыхали раньше ничего подобного.

– Как ты много видела! Какая счастливая! – восклицали они.

– Да, это были счастливые времена, – сказала елка и призадумалась.

Потом она рассказала мышкам, как ее срубили перед Рождеством и как украшали в зале.

– Ты чудесно рассказываешь, – сказали маленькие мышки и на следующую ночь привели еще четверых.

Чем больше рассказывала елка, тем яснее припоминала она прошедшее. Но ведь оно может опять вернуться, думала она. Иванушка-дурачок добыл себе принцессу, почему ж бы ей... Тут елка вспомнила о миловидной березке, росшей в лесу. Вот была бы для нее принцесса.

Елка рассказала мышкам всю сказку про Иванушку-дурачка, и мышки от радости подпрыгнули до верхушки дерева. В следующую ночь привели они целую компанию мышей, а в воскресенье даже двух крыс. Но крысы нашли, что сказка неинтересна; мыши сконфузились, и им тоже сказка перестала нравиться.

– Не знаете ли другой сказки? – спросили крысы.

– Нет, я знаю только эту. Я слышала ее в счастливейший день моей жизни, но я тогда не ценила этого счастья.

– Это страшно нелепая сказка. Не знаете ли чего о ветчине и сальных свечах, вообще о съедобном?

– Нет, не знаю.

– Ну так благодарим покорно, – сказали крысы и пошли домой.

Мышки тоже не появлялись, и дерево скучало по ним.

– Как хорошо было, когда эти милые маленькие создания сидели тут и слушали меня, – думала елка. – Теперь и это прошло. Буду думать о том времени, когда меня отсюда возьмут: это развлечет меня. Но когда это случится?

Это случилось одним утром. Пришли люди и стали хозяйничать на чердаке. Разбросали сундуки, швырнули дерево, и слуга стащил его вниз к дневному свету.

– Я начинаю снова жить! – думала елка, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь солнечным светом.

Она была уже на дворе. Двор примыкал к саду, где все цвело и благоухало. Свежие розы свешивались через решетку. Ласточки летали и щебетали.

– Чивит-вит-вит, мой муж прилетел.

На елку они не обращали внимания.

– Теперь-то я буду жить, – ликовала елка и встряхнула ветвями.

Но увы! Они засохли и пожелтели, а сама она лежала в углу между сорной травой. Звезда из золотой бумаги все еще торчала на верхушке и блестела на солнце.

На дворе играли некоторые из тех самых детей, которые прыгали и танцевали вокруг елки на Рождестве. Один из самых маленьких подбежал и сорвал золотую звезду.

– Посмотрите-ка, что на этой старой, противной елке сидит! – сказал малютка и зашагал со звездой в руках по сухим веткам, которые ломались под его ногами.

Елка взглянула на роскошно цветущий сад и оглянулась на себя самое. О, как желала бы она очутиться снова в темном углу на чердаке. Она вспомнила свою цветущую юность в лесу, вспомнила веселый рождественский вечер...

– Все прошло, все миновало! – воскликнуло умирающее дерево. – Зачем я не радовалась, когда могла, а теперь всему конец.

Пришел дворник и разрубил елку на мелкие куски. Ярко запылала связка еловых поленьев под пивным котлом. Глубоко вздыхало искалеченное дерево, и каждый вздох был похож на выстрел. Прибежали игравшие на дворе дети, уселись против огня и при каждом треске вскрикивали: «Паф! Паф!» А дерево, испуская глубокие вздохи, вспоминало солнечные дни в лесу, морозные ночи с чудным звездным небом, рождественский вечер и сказку, единственную, которую оно слышало в жизни.

Елка сгорела, а дети побежали в сад, и самый маленький нацепил себе на грудь звезду, которая была на елке в счастливейший день ее жизни. Прошел этот день, и елке настал конец и рассказу нашему тоже. Так всегда бывает в мире.

Снежный болван

– Холод сегодня пронизывает насквозь, – говорил снежный болван, – а ветер скрепляет мои члены и вливает в них новую жизнь. Только зачем этот шар торчит там на небе? – он подразумевал солнце, которое клонилось к закату. – Из-за него я и не подумаю беспокоиться. Все мои кусочки крепко сплочены.

У него, вместо глаз, как раз и были кусочки черепицы, а вместо зубов – обломки грабель. Родился он при веселых возгласах шалунов, в то время когда мимо пролетали санки с бубенчиками.

Солнце село, и взошла луна, большая, круглая, ярко сияющая на темно-синем небе.

– Теперь оно появилось с другой стороны, – сказал снежный болван, принимая луну за солнце. – Виси себе там и свети, а я буду собой любоваться. Если б я только знал, как сойти с места. Уж очень хочется мне подвигаться, поскользнуть по льду, как мальчики. Но я не знаю, как это делается.

– Вон! Вон! – залаял старый пес, который охрип и не мог выговорить: вау, вау! Он охрип, когда еще был комнатной собачкой и лежал у печи. – Солнце тебя научит бегать. Я это видел на предшественниках твоих прошлую зиму и позапрошлую. Солнце их всех согнало.

– Я тебя не понимаю, товарищ! – продолжал снежный болван. – То, что там висит, – он разумел луну – научит меня бегать? Да оно само от меня убежало и появилось с другой стороны.

– Ничего-то ты не понимаешь! – возразил старый пес. – И не удивительно! Тебя только что слепили. То, что ты теперь видишь, – это луна, а то было солнце. Вот оно-то и научит тебя сбегать в канавку. Будет скоро перемена погоды. Я чувствую это по левой задней лапе; она у меня ноет. Да, будет перемена, будет.

– Я не понимаю, что он говорит, – подумал снежный болван, – но чувствую, что это что-то неприятное. То, которое там торчало и ушло, солнце, называет его этот пес, тоже не мой друг. Я это чувствую.

– Вон, вон, – пролаял старый пес и, повернувшись, пошел в свою конуру спать.

Погода действительно изменилась. Под утро спустился густой туман, но подул ледяной ветер, и мороз устоялся. Взошло солнце и осветило роскошную картину. Деревья и кусты, опущенные инеем, искрились и сверкали. Нежнейшие разветвления, которые, за листвою, незаметны летом, теперь выступали вполне отчетливо. Словно кто накинул на деревья блестящее кружево.

– Какая прелесть! – воскликнула молодая девушка, проходившая поблизости под руку с молодым человеком. С этим зрелищем даже летом ничто сравниться не может, – прибавила она, и глаза ее загорелись от удовольствия.

– И такого парня, как вот этот, тоже не бывает летом, – сказал молодой человек, указывая на снежного болвана. – Он великолепен!

Девушка засмеялась, кивнула болвану и пошла вперед по снегу, который скрипел под ее ногами, точно она шла по крахмалу.

– Кто эти двое? – спросил снежный болван у собаки. – Ты дольше меня на дворе и, может быть, их знаешь.

– Знаю ли я их? Еще бы. Она меня погладила, а он бросал мне кости. За то я их не кусаю.

– Но что они из себя представляют?

– Они жених и невеста. Будут жить в одной хижине и глотать одну кость.

– Они такие же существа, как мы с тобой?

– Нет, они господа. Как мало, однако же, знают те, которые только что появились на свете. Я старше, и у меня опытности больше. Я знаю здесь всех. Было время, когда я не лежал на цепи, на морозе.

– Мороз чудесный, а ты славно рассказываешь. Только не греми, пожалуйста, цепью, этот звон во мне раздается.

– Вон, вон! – залаял пес. – Когда я был хорошеньким, маленьким щеночком, я лежал наверху, в доме хозяина на бархатном стуле. Меня ласкали, целовали мою мордочку, вытирали лапки носовым платком и звали Ами, милый Ами. Но потом я показался им велик и они подарили меня экономке. Здесь не было так роскошно, но жилось еще приятнее. Меня не тормошили беспрестанно, как наверху, а кормили также хорошо. У меня была своя подушка, и я лежал у печки. Ах, какая это славная вещь! О печи горюю я до сих пор.

– Разве печь так хорошо выглядит? Похожа она на меня?

– Напротив. Она черна как ворона и имеет длинную шею. Она глотает дрова, и огонь у нее пышет изо рта. Очень близко стоять не надо, но немножко в стороне – приятно. Ты можешь видеть ее в окно, с того места, где стоишь.

Снежный болван посмотрел в окно и увидел гладко отполированный предмет. Внизу светился огонь. Вдруг он почувствовал что-то такое, в чем не мог дать себе отчета.

– Зачем же ты ее оставил? – спросил он у старого пса. – Зачем ты ушел из такого прекрасного места?

– Я не мог иначе. Меня вышвырнули за дверь и посадили на цепь. Я, видишь ли, укусил молодого барина за ногу за то, что он оттолкнул кость, которую я глодал. Кость за кость, казалось мне справедливым. Ан вышло для меня худо. С тех пор я на цепи и вдобавок потерял голос. Слышишь, как я охрип. Вон! Вон! Я уж больше не могу лаять как прежде; моя песня спета.

Но снежный болван уже не слушал. Он смотрел в окно нижнего этажа, где, в комнате экономки, стояла квадратная печь на ножках таких же размеров, как он, снежный болван.

– Что это во мне трещит? – размышлял он. – Как бы мне хотелось попасть в дом, приклониться к печке. Это такое невинное желание, что наверно оно сбудется.

– Туда ты никогда не попадешь, – сказал цепной пес. – А если бы и попал, то растаял бы. Вон!

– Я все равно никуда не пойдусь. Мне кажется, я распадаюсь.

В течение целого дня снежный болван смотрел в окно. В сумерках комната выглядела еще уютнее. Огонь в печке так приветливо светил. Не так как солнце и не так как луна, а просто как огонек, которому есть что кушать. Когда дверка отворялась, пламя вспыхивало еще ярче и отражалось румянцем на щеках снежного болвана.

– Я не могу этого вынести! – воскликнул снежный болван. – Точно она высовывает мне язык.

Зимняя ночь была длинна, но снежному болвану она не казалась такою. Он стоял погруженный в думы. Эти думы замерзали и трещали.

Утром окна в доме замерзли и образовали затейливые узоры. Узоры затянули окно и скрыли милую печь от глаз снежного болвана. Зато он трещал и стучал на славу. Мороз был такой, что снежному болвану осталось только радоваться. Но он не радовался; он тосковал по печке.

– Это плохая болезнь для такого франта, как ты, – сказал старый пес. – У меня она тоже была, но я ее перенес. Ох, будет перемена погоды, опять ногу ломит.

Погода действительно переменялась. Наступила оттепель. Снежный болван стал слабеть. Он не охал, не жаловался, но таял как свеча и, наконец, развалился. На том месте, где он стоял, осталась торчать палка, около которой дети и слепили его.

– Теперь я вполне понимаю его глубокую душевную тоску, – сказал старый пес. – Ведь в нем заключалась метла трубочиста. Это-то и томило его. Понимаю, понимаю.

Скоро не стало и зимы.

Пес продолжал хрипеть, а девушки гуляли и пели:

Скоро душистая травка пробьется,
Выйдем из дому, перчатки долой!
Весело в роще чирикают птички,
Месяц февраль нам приносит весну,
С птичками вместе поем и ликуем,
Солнце нам шлет золотые лучи.

Колокол

Вечером, когда в узких улицах большого города начинало уже темнеть и солнце золотило только небольшие промежутки между трубами, слышался то там то сям странный звук, похожий на удар церковного колокола. Но звук этот слышался только одно мгновение. Шум экипажей и людской говор заглушали его.

– Вот звучит вечерний колокол, солнце заходит, – говорили обыкновенно.

Те, которые жили в предместьях, где дома, окруженные садами и палисадниками, стоят дальше друг от друга, могли еще долго любоваться красивым вечерним небом. Звук колокола раздавался еще отчетливее. Казалось, он исходил из глубины благоухающего леса. Люди смотрели в ту сторону и невольно задумывались.

От времени до времени люди спрашивали друг друга:

– Что это за странный своеобразный звук? Точно церковь стоит в лесу. – Не пойти ли нам посмотреть?

Богатые поехали, а бедные пошли: но дорога показалась им необычайно длинной. Когда достигли опушки, где росли тенистые деревья, то нашли, что здесь очень хорошо, и расположились отдохнуть. Один кондитер раскинул палатку, другой – повесил над своей палаткой колокол. Но колокол этот служил только вывеской. Он был обмазан смолой для защиты от дождя и не имел языка. Возвращаясь домой, публика находила, что в прогулке было очень много поэзии, что гуляющие углубились в лес, прошли его насквозь и постоянно слышали звон колокола. Но там им казалось, что он звучал со стороны города. Один сложил даже песню, в которой сравнивал странный звук с обращением матери к любимому дитяти. Мелодия к этой песне подделывалась под колокольный звон.

Слухи о странных звуках дошли до короля. Он очень этим заинтересовался и обещал тому, кто откроет источник звуков, титул «Всемирного звонаря», хотя бы звуки исходили не от колокола.

Многие для исследований отправились в лес, но только один вернулся с объяснением до некоторой степени правдоподобным. Он говорил, что звук производит сова, которая сидит в дупле большого дерева и колотится о дерево головой. Но голова ли совы или дерево производит этот звук – наблюдатель объяснить не мог. Он получил титул «Всемирного звонаря», и каждый год писал сочинения, от которых люди ничуть не стали умнее.

Настал день конфирмации. Пастор говорил прекрасную и прочувствованную речь. Конфирмуемые были глубоко тронуты. День этот имел для них великое значение: из детей они превращались во взрослых. Детская душа должна была вдруг перелететь в разумного человека.

Был чудный солнечный день. Когда конфирманты вышли за город, таинственный колокол зазвучал особенно отчетливо. Крайне заинтригованная молодежь решила идти в лес. Только трое отказались. Одна девушка торопилась домой, чтобы примерить бальное платье, так как ради этого бала она и конфирмовалась; иначе ее бы не взяли на бал. Бедный мальчик, занявший для конфирмации платье у сына хозяйки, должен был поскорей возвратить его. Наконец третий объявил, что он один, без родителей, никуда не ходит, что он всегда был послушным ребенком и останется таким, хоть и конфирмован. Он находил, что тут не над чем смеяться, но молодежь все-таки смеялась.

Эти трое отстали, а остальные пошли вперед. Солнце сияло, птицы пели, и конфирманты, держась за руки, тоже пели. У них не было еще ни чина, ни звания, но они все были дети единого Бога.

Скоро двое младших устали и вернулись в город. Две девочки сели на травку и стали плести венки. А когда остальные дошли до вербы, в тени которой жил кондитер, они сказали:

– Мы можем здесь отдохнуть. В действительности никакого колокола не существует. Это только игра воображения.

В эту минуту из лесу раздался звук такой полный и такой торжественный, что молодежь вздрогнула. Четверо или пятеро решились углубиться в лес. Чем дальше шли они, тем гуще становился лес; трудно было пробираться вперед. Лилии и анемоны были очень высоки, выющиеся растения переплетали деревья частой сеткой. Но при всем том в лесу было чудно хорошо. Лучи солнца, проникая сквозь чашу, играли и переливались, соловьи пели.

Девушкам было еще труднее пробираться через эту чащу. В высокой траве скрывались острые камни, и они рвали себе платье. Наконец пришли к ключу, который бил из скалы и падал на каменистое дно, издавая странный звук: глук, глук!

– Может быть, это и есть тот самый колокол; это надо исследовать, – сказал один из юношей и прилег ухом к земле.

Остальные пошли дальше и пришли к хижине из коры и ветвей. Развесистая дикая яблоня осеняла хижину, увитую колючими розами. На одной из верхних ветвей висел небольшой колокол. Не был ли это тот самый, который издавал такие странные звуки? Почти все разделяли это мнение. Все, кроме одного. Этот один говорил, что колокол так мал и тонок, что не может издавать звука, который трогал бы человеческое сердце. Но так как говоривший был королевский сын, то все решили, что он хочет быть умнее других, и на его слова не обратили внимания.

Королевский сын пошел дальше, товарищи не последовали за ним. Чем дальше шел он, тем больше душа его проникалась величием леса. Он ясно различал звуки маленького колокола, около которого остановились товарищи; иногда ветер доносил веселые возгласы и пение тех, которые остались у кондитера. Но все эти звуки покрылись другим звуком, более торжественным и сильным. Юноше почудились даже аккорды органа. И все это исходило с левой стороны, с той, где находится сердце.

Но вот в кустах что-то зашуршало, и перед королевским сыном очутился мальчик в деревянных башмаках и в такой короткой курточке, что рукава ее доходили немного ниже локтей. Это был тот самый мальчик, который спешил домой, чтобы возвратить взятое для конфирмации платье, Королевский сын узнал его. Мальчик уж успел переодеться и поспешил в лес, потому что и для него таинственный колокол, в этот день, как-то особенно звучал.

– Пойдем вместе, – сказал королевский сын. Но мальчик взглянул на свои деревянные башмаки, на короткие рукава куртки, и ему стало стыдно.

– Я не могу скоро идти, – сказал он. – А что касается колокола, то его надо искать вправо; там такие хорошие места.

– В таком случае я тебе не товарищ, – сказал королевский сын, кивнув бедному мальчику.

Мальчик углубился в чащу, где терновник рвал его рубище и до крови царапал лицо и руки. Королевский сын тоже получил несколько ссадин, но солнце освещало ему путь. Пойдем и мы за ним.

– Я найду колокол, – говорил он, – хотя бы для этого мне пришлось идти на край света. Безобразные обезьяны сидели на деревьях и щелкали зубами.

– Давайте его бить! Давайте колотить! Он королевский сын, – говорили они.

А он все больше углублялся в чащу. Здесь росли чудеснейшие лилии с красными, как кровь, тычинками, небесно-голубые тюльпаны, яблони, у которых яблоки были прозрачны, как мыльные пузыри. Подумайте только, как все это выглядело, облитое солнечным светом!

На зеленых лужайках, окаймленных величественными буками и вязами, играли олени и лани. Местами лес раздавался и открывались большие озера, на которых плавали лебеди, взмахивая крыльями. Королевский сын останавливался и прислушивался, не из озера ли слышится звон? Но скоро он убеждался, что ошибся. Колокол продолжал гудеть из лесной чащи.

Солнце, спускаясь с горизонта, окрасило небо пурпуровым цветом. Наступила тишина. Королевский сын встал на колени и, прочитав вечернюю молитву, прибавил:

– Как найти мне то, что я ищу? Солнце садится, ночь наступает. Но я еще могу увидеть солнце, если взберусь на эту скалу, которая выше деревьев.

Он уцепился за деревья и влез на скалу. Здесь было множество водяных змей и жаб. Но зато... Какое великолепие увидел он! Перед ним открылось безбрежное море; а там, где оно сходилась с горизонтом, царил солнечный, как величественный блестящий алтарь. Лес ликовал, и сердце мальчика ликovalo с ним вместе. Казалось, вся природа превратилась в гигантскую

церковь, где деревья изображали колонны, цветы, трава – бархатный ковер, а синее небо – огромный купол.

Но вот солнце исчезло, пурпуровые облака стали бледнеть, и на небе, словно миллионы лампочек, зажглись звезды. Королевский сын воздел руки к небу в немой молитве. Вдруг с правой стороны появился тот самый мальчик, которому было стыдно своей курточки с короткими рукавами. В сердечном порыве, среди храма природы, оба мальчика бросились в объятия друг другу. В это мгновение таинственный колокол зазвучал над ними. Бессмертные духи радовались братскому поцелую и пели: «Аллилуиа».

Тайна колокола

Динг-данг! Динг-данг! – звучит из глубины Одензейской долины. Каждый ребенок в старом городе Одензее знает эту долину с ее рекой, которая орошает городские сады и тянется от шлюзов до водяной мельницы. В долине цветут желтые лилии, а в низменных местах растет тростник с черными бархатными султанами. Старые растрескавшиеся ивы свесились над потоком как раз против монастырских садов, которые так разнообразны, что ни один не похож на другой. В одном цветут роскошные цветы, в другом растет капуста и другие овощи. Есть и такой сад, в котором сирень и бузина разрослись так буйно, что протянулись далеко над ручьем. В этом месте, против старого женского монастыря, ручей так глубок, что шестом нельзя достать дна. В этом омуте живет дух долины. Днем, когда солнце пронизывает воду, он спит и показывается только ночью, при лунном свете. Моя бабушка слышала о нем от своей бабушки, следовательно, дух долины очень стар. Ведет он жизнь уединенную и ни с кем не говорит, кроме старого колокола. Когда-то висел этот колокол на колокольне, но теперь нет и следа той колокольни, также как и церкви, к которой она принадлежала.

– Динг-данг! Динг-данг! – звучал колокол, пока еще висел на колокольне.

Но однажды вечером, при сильном размахе, он сорвался и полетел, сверкая своим металлом в лучах заходящего солнца.

– Динг-данг! Динг-данг! Теперь я буду только призывать к покою, – пел колокол, низвергаясь в глубину.

Однако, он не нашел покоя. У духа долины звучит и поет он, а людям кажется, что звук исходит из воды, и они с трепетом проходят мимо, уверенные, что этот звон предвещает кому-нибудь смерть. Но ничего подобного не предвещает колокол. Он просто разговаривает с духом долины.

Что же рассказывает он? Он стар, очень стар, но дух долины еще старше. Не думайте, однако, что он страшен. Напротив, он очень мил в своей куртке, из кожи угря, с желтыми пуговицами и тростниковым венком на голове. Чтобы передать все, что рассказывает колокол, понадобились бы целые годы. Иногда он повторяет одно и то же на разные лады, но больше говорит о давно прошедших тяжелых временах.

Однажды на колокольню взошел монах, он был красив и молод, но глубоко задумчив. Тогда ручей был шире и Одензейская долина была озером. Монах окинул взглядом долину и монастырский холм. В келье монахини виднелся свет. Он знал эту монахиню когда-то. Монах вспомнил прошедшее и сердце его забилося. Динг-данг! Динг-данг!

Поднялся на колокольню служитель епископа и стал раскачивать колокол. Колокол мог бы разможжить ему голову, а он уселся под ним и запел:

– Теперь могу я петь о том, о чем прежде не смел бы и шептать. Под замками и запорами хранились великие тайны. В подвалах холодно и сыро; там крысы заживо съедали людей. Никто об этом не знает; никто об этом не слышит, только колокол звучит: «Динг-данг!»

Жил когда-то король, по имени Канут. Жесток он был с крестьянами, обременяя их непосильными налогами. Они вооружились палками и погнались за ним, как за диким зверем. Он заперся в церкви, а народ окружил ее. Об этом рассказывали вороны и галки, которые со страху взлетели на колокольню. Слуга короля, неверный Блаке – предал его, и Капута убили. Вот что видел колокол. Динг-данг! Динг-данг!

Колокол висит высоко и видит далеко; он понимает язык птиц. Ветер врывается в отверстия и щели. Он знает все, он все слышит от воздуха, который обнимает весь мир. Итак, воздух говорит ветру, ветер – колоколу, а колокол всему миру: «Динг-данг!»

– Но мне пришлось слишком много слышать и знать, – говорил колокол. – Я так отяжелел от этой массы познаний, что балка сломалась, и я полетел в объятия воздуха к духу долины, которому и рассказываю из года в год, что я слышал и знаю. Динг- данг!

Так говорила бабушка, а учитель сказал, что такого колокола нет, который бы звонил из глубины, и духа долины тоже нет, а колокола звучат от сотрясения воздуха.

Воздух знает все. Он вокруг нас, он в нас; он говорит о наших поступках, о наших мыслях и говорит громче, чем колокол в глубине долины. Он гласит о наших деяниях в небесную глубину высоко-высоко, туда, где звучит небесный колокол: «Динг- данг».

Гречиха

Гуляя в поле после грозы, часто видишь, что гречиха стоит вся черная, словно опаленная огнем. «Это ее молния сожгла!» – говорят в таких случаях крестьяне. Но за что же?

Вот что рассказал мне старый воробей, который слышал это от старой ивы, выросшей близ гречишного поля. Это была большая почтенная ива, старая- престарая; как раз посередине кора у нее треснула, и из трещины росли трава и ежевика. Зеленые длинные ветви ивы, словно кудри, свешивались до самой земли.

Соседние с гречихой поля были засеяны рожью, ячменем и овсом – превосходным овсом, похожим, когда поспеет, на веточки с сидящими на них крохотными желтыми канарейками. Хлеб уродился на диво, и чем полнее были колосья, тем ниже склоняли они свои головки в благочестивом смирении.

Ближе к иве росла гречиха. Она держалась надменно и прямо и не склоняла головы, подобно другим хлебам.

– Я богата не менее хлебных колосьев, – говорила она, – да и покрасивей их буду. Мои прелестные цветы не уступят цветам яблони... Скажи, старая ива, видела ли ты кого-нибудь красивее меня?

Но ива только головой тряхнула, словно хотела сказать: «Конечно, видела!»

– Экое глупое дерево! – говорила высокомерно гречиха. – У него от старости трава из желудка выросла.

Вдруг налетела гроза. Все полевые цветы свернули свои лепесточки и поникли головками и только одна гречиха по-прежнему стояла прямо.

– Склони голову! – сказали ей цветы.

– Незачем! – отвечала гречиха.

– Склони голову, как мы! – кричали ей колосья. – Вот-вот пролетит ангел бури с огромными крыльями от облаков до земли! Он уничтожит тебя, прежде чем ты успеешь взмолиться о пощаде!

– А все-таки не склоню головы! – упорствовала гречиха.

– Сверни лепестки и опусти листочки, – советовала ей и старая ива. – Да не смотри на молнию, когда она прорезывает тучи. Даже люди не осмеливаются это делать; в эту минуту можно заглянуть в самое небо, но даром это не проходит человеку – он может лишиться зрения. Какая же кара должна ждать нас, бедных растений, стоящих куда ниже человека!

– Ниже? – оскорбилась гречиха. – Вот я возьму, да и загляну в небо Господне!

Так и сделала безумная.

Поминутно вспыхивали молнии; казалось, весь мир был обхвачен пламенем.

Гроза пронеслась; освеженные дождем цветы и хлеба с наслаждением вдыхали чистый воздух. И только одна гречиха стояла опаленная молнией, как уголь черная, – она теперь больше никуда не годилась.

Тихо покачивала старая ива своими ветвями, и с зеленых листьев скатывались крупные дождевые капли; старое дерево словно плакало.

– О чем ты? – спросили его воробьи. – Погляди, что за благодать кругом, как славно светит солнышко, как бегут облака! А как чудесно пахнут цветы и кустарники! О чем же ты плачешь, старая ива?

Тогда ива рассказала им о высокомерной гордости гречихи и о постигшей ее каре, – гордость, известно, всегда бывает наказана. От воробьев узнал эту историю и я: они прочитали мне ее раз вечером, когда я попросил их рассказать мне сказку.

Бронзовый кабан

Во Флоренции, недалеко от площади дель-Гран- Дука протекает небольшой переулок; зовется он, если память мне не изменяет, Порта-Росса. Здесь, против овощного и фруктового рынка стоит чудной работы бронзовый кабан; из его пасти льется широкой струей чистая холодная вода. Сам кабан от времени стал темно-зеленым, почти черным; одна только морда блестит, как полированная. Этот блестящий полированный вид она получила от прикосновения рук сотен детей и бедняков, подставлявших свои рты под струю воды. Когда хорошенький полунагой мальчуган обнимает красивое животное и прижимается свежими розовыми губками к его морде, – глаз нельзя отвести, так хороша картина!

Всякий, кому случится быть во Флоренции, легко отыщет бронзового кабана, – любой нищий его укажет.

Был поздний зимний вечер. Снег лежал на горах; высоко на небе сиял месяц. Куда нашим северным пасмурным зимним дням до светлых лунных ночей Италии. Здесь самый воздух светится, дай небо словно выше, тогда как на севере холодное, серое, свинцовое небо гнетет нас к сырой земле, которая рано или поздно придавит крышку нашего гроба.

В великогерцогском саду, где и зимой цветут тысячи роз, под сенью пихт целый день просидел мальчуган в рваной одежке. Маленький оборвыш мог бы послужить олицетворением Италии – Италии дивно прекрасной и в тоже время страдающей, несчастной... Голод и жажда мучили бедняжку, никто сегодня не пожалел его и не подал милостыни. Между тем смерилось, надо было запирать сад, и сторож прогнал мальчика. Долго стоял бедняжка на мраморном мосту, перекинутом через Арно, долго думал и раздумывал, глядя на яркие звездочки, трепетавшие в воде.

Потом он побрел к бронзовому кабану, обхватил его, слегка нагнувшись, за шею ручонками, приник губками к блестящей морде и стал большими глотками пить холодную воду. В нескольких шагах от кабана валялись листочки салата и два-три каштана – ими мальчуган поужинал. На улице не было ни души, и вот он взобрался на спину бронзового кабана, склонился на его голову кудрявой головкой и тотчас уснул.

Ровно в полночь кабан зашевелился, и мальчик явственно услышал, как он сказал:

– Держись крепче, мальчуган, сейчас поскачем!

И, правда, помчался во весь дух. Лихая то была скачка! Скоро они очутились на площади дель-Гран-Дука. Бронзовый конь, на котором восседала статуя герцога, громко заржал, пестрые гербы на старой ратуше засветились, словно транспаранты, а микельанджелевский «Давид» взмахнул пращой. Все кругом оживало, двигалось. Ожили и бронзовые группы: «Персей» и «Похищение Сабинянок». Крик смертельного ужаса огласил великолепную пустынную площадь.

У памятника дельи-Уффици под аркой, где во время карнавала собирается знать, бронзовый кабан остановился.

– Держись крепче! – сказал он мальчику. – Держись крепче, сейчас понесемся вверх по лестнице!

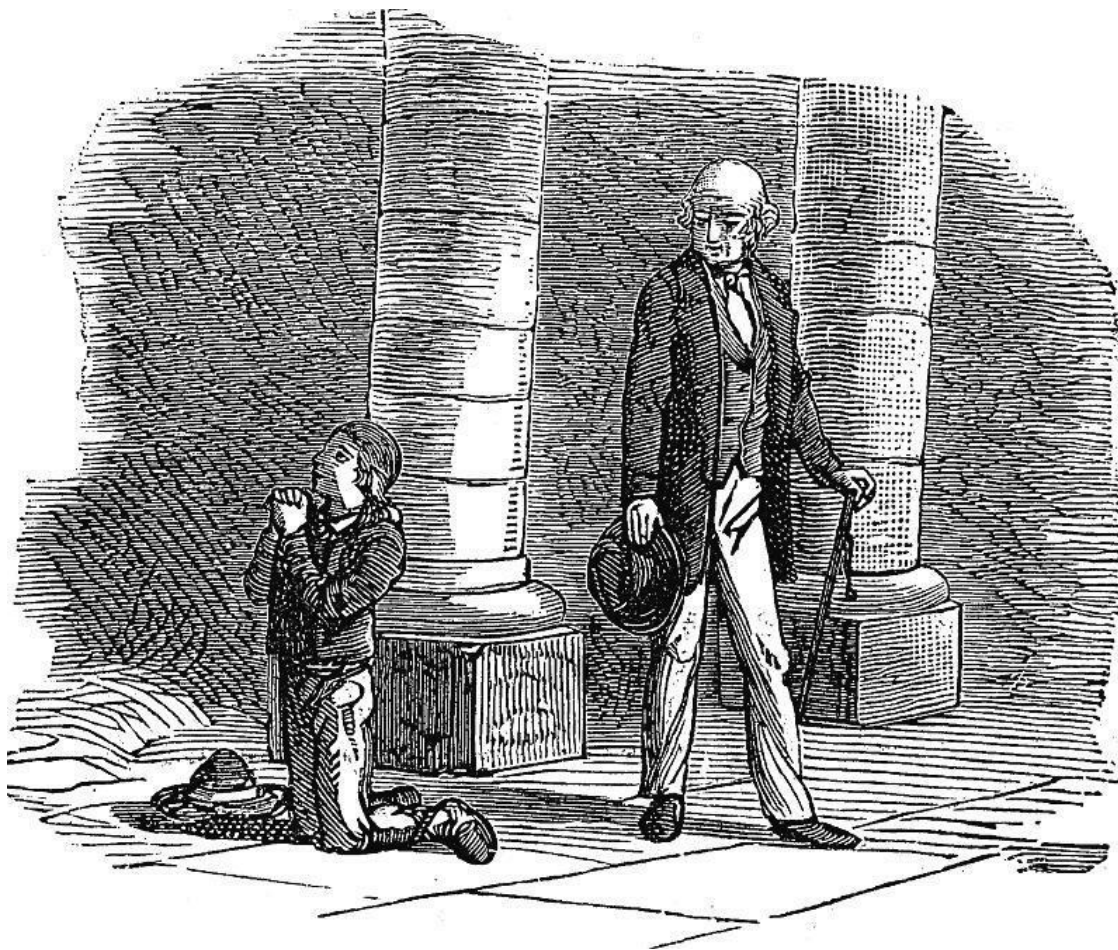
Ни слова не проронил мальчуган, он весь дрожал от страха и радостного волнения.

Поднявшись наверх, они очутились в длинной галерее. Мальчик тотчас узнал ее; ему доводилось уже здесь бывать. На стенах висели картины, тут и там стояли статуи и бюсты; было светло, как днем, – так ярко светил месяц. А какое великолепие представилось их взорам, когда растворились двери в боковые залы! Мальчик не раз видел всю эту роскошь, но теперь, озаренная чудным светом, она казалось совсем волшебной.

Медленно обошел бронзовый кабан все залы. Что за блеск, что за красота царили в них! Целый ряд картин, бюстов и статуй прошел перед глазами мальчика, но одна картина особенно

сильно запечатлелась в его памяти, главным образом потому, что на ней были написаны радостные счастливые дети. Мальчик уже как-то раз любовался ими днем.

Многие, вероятно, проходят мимо этой картины не останавливаясь, а между тем она полна поэзии. На картине изображен Спаситель, сходящий в преисподнюю, не к осужденным на муки грешникам, а к язычникам. Написал картину флорентинец Анджиоло Бронзино. Изумительно передано выражение личиков детей, непоколебимо верящих, что они попадут в рай. Двое обнялись, один протягивает ручонку другому, стоящему позади, причем указывает на себя, как бы говоря: «Я иду на небо!» Взрослые – кто взирает на Спасителя с робкой надеждой, кто со смиренной мольбой преклоняет перед ним колени.

Загляделся мальчик на эту картину; под ним, не шевелясь, стоял бронзовый кабан. Вдруг легкий вздох пронесся по зале. Откуда неся он: из картины или из груди животного?... Мальчик протянул руку к улыбающимся детям, но тут бронзовый кабан пустился со всех ног назад в аванзалу.

– Спасибо тебе, добрый, хороший кабан, – сказал мальчик и погладил кабана, который, постукивая копытцами, сбегал вниз по лестнице.

– Спасибо тебе! – отвечал кабан. – Я оказал тебе услугу; а ты мне: я, ведь, только тогда могу двигаться, когда на мне сидит невинное дитя. Мне даже не возбраняется тогда проходить под лучами лампы, зажженной перед образом Мадонны. С тобой я всюду могу попасть, только не в церковь. Но и туда, когда ты сидишь на мне, я могу заглянуть через открытые двери. Не оставляй же меня! Как только слезешь, я снова стану безжизненным и неподвижным, каким ты видишь меня днем в переулке Porta-Росса.

– Я не покину тебя, милый кабанчик! – промолвил мальчуган и они стрелой понеслись по улицам Флоренции на площадь, к собору Санта-Кроче.

Двери собора широко распахнулись, и свет от горевших перед алтарем свечей ярким снопом вырвался на безлюдную площадь.

С надгробного памятника, стоявшего в левом приделе, исходил какой-то необычайный свет, тысячи движущихся звезд сверкающих венцом сияли вокруг него. На памятнике красовался герб: красная, точно пылающая в огне, лестница на лазурном поле. То гробница Галилея. Памятник не представляет ничего особенного, герб же – полон глубокого смысла. Это как бы символ той пылающей лестницы, ведущей пророков науки и искусства к бессмертию. Все пророки, на которых почтили дары Духа, восходят на небо, как пророк Илия.

Статуи на богатых мраморных саркофагах, разместившихся в правом приделе, казалось, ожили. Здесь Микеланджело, там Данте с лавровым венком на голове, дальше Альфиери, Макиавелли; один подле другого покоились вечным сном мужи – гордость Италии. Собор Санта-Кроче великолепен; он гораздо красивее мраморного Флорентийского собора, хотя и не столь велик.

И чудится мальчику: шевелятся мраморные изваяния великих людей, поднимают головы и устремляют взоры на сияющий огнями алтарь, откуда несется пение и кадят золотыми кадильницами мальчики в белых одеждах. Сильный аромат доносится из церкви на площадь.

Мальчик протянул руки к сиявшему вдали алтарю, но бронзовый кабан в тот же миг поскакал дальше. Мальчик должен был крепко уцепиться за шею животного, ветер свистел ему в уши, двери церкви с визгом повернулись на своих ржавых петлях и закрылись. Тут вдруг сознание покинуло мальчика, он почувствовал, что в жилах его леденеет кровь и – проснулся.

Было уже утро; он почти совсем сполз со спины кабана, который стоял, как всегда на своем обычном месте в Порта-Россо.

Замерло у мальчугана от страха сердечко, когда он вспомнил о той, кого звал матерью. Она послала его вчера собирать милостыню, а ему ни единой монетки не подали; голод и жажда мучили бедняжку. Обнял он на прощанье кабана, поцеловал его в морду, кивнул ему головой и побрел по узкой улице, такой узкой, что по ней с трудом проходил навьюченный осел. Дойдя до большой, окованной железом двери, наполовину открытой, мальчик стал подниматься по грязной каменной лестнице с веревкой вместо перил, и очутился в галерее, увешанной разным тряпьем. С галереи шла другая лестница во двор. Здесь от колодца во все этажи дома были проведены толстые железные проволоки, а по ним вверх и вниз двигались ведра с водой; блок скрипел, вода из раскачивающихся на воздухе ведер расплескивалась. По узкой полуразвалившейся лестнице мальчик поднялся еще выше. Навстречу ему бежали два русских матроса и чуть не сшибли его с ног, – они возвращались с веселой пирушки. За ними шла немолодая, полная, крепкого сложения женщина с густыми черными волосами.

– Сколько принес? – спросила она мальчика.

– Не сердись, мамочка! – взмолился он. – Ни одной монетки не подали мне сегодня.

И он ухватился за платье матери, будто хотел его поцеловать. Они вошли в комнату; описывать ее не стану, скажу только, что там стояла грелка, – глиняный горшок с горячими угольями; грелка эта зовется в Италии *marito*. Женщина взяла грелку и стала греть руки, потом, толкнув ребенка локтем в грудь, снова спросила:

– Говори, сколько принес?

Мальчуган захныкал. Она толкнула его ногой, он громко заревел.

– Замолчи, крикун, не то разобью тебе голову! – закричала она и замахнулась грелкой. Мальчик с воплем пригнулся к полу. Тут в комнату вошла соседка, тоже с грелкой в руках.

– Не грех тебе, Феличита, обижать ребенка! – сказала она.

– Ребенок мой! Захочу убить – убью, да и тебя вместе с ним, Джианина.

И она замахнулась грелкой. Соседка, обороняясь, подняла свою, грелки стукнулись, – черепки, уголья и зола разлетелись в разные стороны. А мальчик шмыгнул в дверь и мигом очутился во дворе, а оттуда на улице. Бедняжка бежал, пока у него не захватило дух; он остановился у собора Санта-Кроча, как раз у того самого, двери которого прошлой ночью широко перед ним раскрылись. Собор сиял огнями. Мальчик вошел, стал на колени возле первой гробницы направо, – гробницы Микеланджело – и громко зарыдал. Народ входил и выходил, служба окончилась, никому не было дела до мальчика; какой-то старичок приостановился и поглядел было на мальчика, да и тот прошел мимо, ничего не сказав.

Голод и жажда томили ребенка; совсем обессиленный, прикорнул он в углу между стеной и мраморной гробницей и заснул. Проснулся он только под вечер, – кто-то тряс его за плечо. Мальчик вскочил, – перед ним стоял тот же самый старичок.

– Ты болен? Где ты живешь? Неужели пробыл здесь целый день? – спрашивал он мальчика.

Мальчуган все рассказал, и старичок повел его в маленький домик, приютившийся в одной из боковых улиц, близохонько от собора. Они вошли в перчаточную мастерскую; пожилая женщина сидела за столом и усердно шила. На столе перед ней прыгала маленькая беленькая болонка, стриженная так коротко, что сквозь шерстку виднелось розовое тельце. Завидя мальчика, болонка еще пуще запрыгала.

– Невинные души тотчас признают друг друга! – сказала женщина и погладила собачку и мальчика.

Добрые люди накормили и напоили ребенка и оставили у себя переночевать, а на другой день дядюшка Джузеппе хотел пойти к его матери и переговорить с ней.

Мальчугана уложили на маленькую убогую кровать, но ему, привыкшему спать на голом каменном полу, она показалась чуть не царским ложем. Сладко заснул он и всю ночь ему снились чудные картины и бронзовый кабан.

Утром Джузеппе ушел. Мальчуган знал, что старичок отправился к его матери и приуныл: ну как мать потребует, чтобы он вернулся домой. И бедняжка плакал, целуя маленькую резвую болонку, а перчаточница ласково на них поглядывала.

Дядюшка Джузеппе вернулся наконец домой. Что то он скажет? Долго толковал он о чем-то с женой; та кивала головой и гладила мальчика по головке, приговаривая:

– Славный, славный мальчик! Из него выйдет отличный перчаточник, не хуже тебя. А пальцы-то у него какие тонкие, гибкие! Видно, ему сама Мадонна определила быть перчаточником.

И мальчик остался у стариков. Хозяйка сама учила его шить; он сладко ел, сладко спал, стал веселым, шаловливым мальчиком и не прочь был иной раз подразнить Белиссиму, так звали собачку. Это ему, однако, не проходило даром; хозяйка грозила пальцем, сердилась и бранилась, что очень огорчало мальчика. Сидел он раз, задумавшись, в своей каморке, где сушились и кожи; окна каморки с толстыми железными решетками выходили на улицу. Мальчугану не спалось, он все думал о медном кабане; вдруг легкое: тук, тук, тук! – донеслось с улицы. Это он, он – кабан! Мальчик кинулся к окну, на улице никого не было.

– Помоги-ка синьору, видишь, какой у него тяжелый ящик! – сказала раз утром хозяйка мальчику, заметив проходящего мимо молодого соседа-художника с тяжелым ящиком для красок и со скатанным в трубку куском холста.

Мальчуган взял ящик и понес его за художником. Они пришли в картинную галерею и поднялись по той самой лестнице, памятной ему с той ночи, когда он ездил на кабане. Он узнал статуи и картины, узнал прекрасных мраморных богинь, Мадонну, Иисуса и Иоанна.

Вот они остановились перед картиной Бронзино, где был изображен Спаситель, нисходящий в преисподнюю, и весело улыбающиеся дети, уверенные, что скоро они будут в раю. И у нашего мальчугана лицо озарилось улыбкой, здесь, ведь, он чувствовал себя, как в раю.

– Иди-ка домой! – сказал художник, успевший, пока мальчик любовался картиной, установить мольберт.

– Позвольте посмотреть, как вы рисуете! – попросил мальчик. – Любопытно поглядеть, как вы перенесете картину на этот белый холст.

– Я сейчас еще не буду писать красками! – отвечал художник и достал из ящика уголь.

Быстро забегала рука художника, глаза, почти не отрываясь, глядели на картину, и несмотря на то, что контуры намечались лишь тонкими штрихами, на холсте обрисовался тот же воздушный образ Спасителя, что и на картине, писанной масляными красками.

– Да иди же! – сказал опять художник, и мальчик пошел потихоньку домой, сел за стол и... стал учиться шить перчатки.

Но мысли его были далеко, в картинной галерее; он колол себе иголкой пальцы, шил кое-как, зато не дразнил больше Беллисымы. Вечером мальчуган шмыгнул в незапертую дверь на улицу. Было холодно, на потемневшем небе ярко горели алмазные звездочки. Он побежал по опустевшим улицам к бронзовому кабану, нагнулся, поцеловал его в блестящую морду, затем забрался к нему на спину и сказал:

– Как я соскучился по тебе, милый мой кабанчик! Надо бы нам опять прокатиться сегодня ночью.

Но бронзовый кабан и ухом не повел, а из его пасти по-прежнему била струя чистой свежей воды.

Мальчуган сидел на нем, словно всадник на коне, как вдруг кто-то дернул его за штанишки. Глянул мальчуган и видит: перед ним стоит маленькая голенькая Беллисима. Он и не заметил, как она увязалась за ним. Беллисима лаяла, точно хотела сказать:

– Ия здесь! А ты чего тут расселся?

Дракон с огнедышащей пастью, пожалуй, напугал бы мальчика меньше, чем маленькая болонка. Беллисима на улице, и «не одетая», как говорила хозяйка, – что теперь будет! Зимой Беллисиму иначе не выпускали гулять, как в теплой овчинной попонке с бубенчиками; попонка завязывалась красными ленточками у шейки и под брюшком. В этом наряде Беллисима была ни дать ни взять маленький козленочек.

Беллисима на улице и без попонки! Что-то будет, что-то будет! Пропала у нашего мальчугана охота прокатиться на кабане, поцеловал он его на прощанье и, подхватив продрогшую Беллисиму, побежал со всех ног домой.

– Стой! Что это у тебя? – остановили мальчугана два жандарма, шедших ему навстречу. Беллисима залаяла.

– Где ты украл эту хорошенькую собачку? – спросили они, и отняли ее у мальчика.

– Отдайте мне собачку, пожалуйста, отдайте! – умолял мальчик.

– Если ты не украл ее, так скажи, как вернешься домой, чтобы за ней пришли на гауптвахту.

И назвав улицу, где находилась гауптвахта, солдаты ушли с Беллисимой.

Мальчик был в отчаянии. Что делать: броситься ли в Арно или вернуться домой и чисто-сердечно во всем повиниться? Ему, конечно, больно достанется от хозяев. «Ну что ж, пусть изобьют до смерти! Умру, и тем скорей попаду ко Христу и Мадонне». И он пошел домой, – ему хотелось скорее умереть.

Дверь была заперта; дотянуться до дверного молотка он не мог, а на улице не было ни души. Мальчик поднял булыжник и стал колотить им в дверь.

– Кто там! – послышалось за дверью.

– Я! – крикнул он. – Беллисымы нет! Отворите дверь и убейте меня!

Поднялся переполох; особенно волновалась хозяйка. Глянула она на стену, да так и обмерла – попонка Беллисымы висела на своем месте.

– Беллисима на гауптвахте! – ужаснулась она. – Это ты, дрянной мальчишка, сманил ее с собой! Теперь она замерзнет! Такое деликатное созданище, каково ей среди грубых солдат!

Дядюшка Джузеппе должен был немедленно отправиться на гауптвахту. Хозяйка охала и ахала, мальчик плакал; прибежали соседи, пришел и художник. Он привлек к себе мальчика, расспросил, как было дело и кое-как из его сбивчивых ответов узнал всю историю о бронзовом кабане и картинной галерее. Многие в рассказе мальчугана так и осталось ему непонятным.

Художник утешал мальчугана и уговаривал хозяйку не беспокоиться, но она только тогда успокоилась, когда дядюшка Джузеппе вернулся с Беллисимой, побывавшей у солдат. То-то была радость! Художник приласкал бедного мальчика и подарил ему много разных картинок.

Что за прелесть были эти картинки! Попадались и препотешные! Больше всего понравилась мальчику картинка с бронзовым кабаном; кабан очень удался художнику, он вышел, как живой! Художник нарисовал несколькими штрихами не только кабана, но и дом позади него.

– Вот так бы рисовать и писать красками, – весь мир можно было бы изобразить на бумаге.

На другой день, уловив свободную минутку, мальчик взял карандаш и попытался срисовать кабана на оборотной стороне одного из рисунков. И что же, удалось! Немножко криво, немножко косо, одна нога толще, другая тоньше, но все так вышло похоже на кабана.

Мальчик ликовал. Он замечал, правда, что карандаш ему плохо повиновался, но ничего не мог поделать. На следующий день он нарисовал другого кабана, который был во сто раз лучше первого; третий же был так хорош, что сразу можно было догадаться с кого он срисован.

Зато шитье перчаток шло очень плохо; мальчик не делал никаких успехов в своем ремесле. Бронзовый кабан научил мальчика, что на бумагу можно перенести какую угодно картину, а город Флоренция настоящий альбом – срисовывай – знай себе! На площади делла-Тринита высится стройная колонна: на ней красуется богиня правосудия с завязанными глазами и с весами в руках. Скоро появилась и она на бумаге; нарисовал ее ученик перчаточника.

С каждым днем число рисунков у него увеличивалось, но пока он рисовал только неодушевленные предметы. Стала как-то перед ним прыгать Беллисима, он и говорит:

– Стой смирно! Я срисую тебя, и у меня будет одной хорошенькой картинкой больше.

Беллисима, однако, ни за что не хотела стоять смирно. Волей-неволей пришлось привязать ее к стулу за хвост и за голову, но и тут она не унялась – лаяла и прыгала, понадобилось еще крепче стянуть шнурок. Вдруг в комнату вошла синьора.

– Изверг, безбожник! Бедная собачка! – только и смогла она вымолвить.

Потом она оттолкнула мальчика, дала ему подзатыльник и выгнала из дому неблагодарного, безбожного изверга; бедную же полузадушенную Беллисиму ласкала и целовала, проливая горькие слезы.

Случилось тем временем подниматься по лестнице художнику и – тут-то поворотный пункт нашей истории.

В 1834 г. во Флоренции в академии художеств была выставка. Две висевшие рядом картины привлекали толпы зрителей. Картина поменьше изображала веселого мальчугана, срисовывавшего с натуры маленькую, беленькую, коротко обстриженную болонку. Модель видимо не хотела стоять смирно; это вынудило мальчугана привязать ее за хвост и голову шнурком. Живо и правдиво написанная картина не могла пройти незамеченной. Рассказывали, что написавший эту картину молодой флорентинец был ребенком подобран на улице стариком перчаточником, воспитан им и самоучкою выучился рисовать. Открыл у него талант один знаменитый художник, который приютил у себя мальчугана, выгнанного хозяевами за то, что он вздумал связать любимую хозяйскую собачонку, свою модель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.